

А.А. Липгарт (Москва, Россия)

Исторический контекст жизни и творчества Уильяма Шекспира¹. Часть 1

Аннотация: Адекватная интерпретация произведений Уильяма Шекспира невозможна без знания его биографии и общего контекста эпохи, в которую ему довелось жить. Однако даже стремящиеся к объективности шекспироведы в своей работе сталкиваются с практически непреодолимыми трудностями, обусловленными отчасти недостатком биографической информации, отчасти незнанием бесспорных – ранее замалчивавшихся, но ныне общедоступных – фактов английской истории. Все это порождает колоссальные проблемы, которые многим ученым не удается преодолеть, что приводит к искажению смысла произведений Шекспира и неверному пониманию его как личности. В настоящей статье обсуждаются причины, которые объясняют появление неверных в историческом и эстетическом планах интерпретаций жизни и творчества Шекспира, и намечаются пути преодоления этой неблагоприятной ситуации. Для этого вначале приходится обратиться ни много ни мало к пяти последним столетиям английской истории.

Ключевые слова: шекспироведение, «шекспировский вопрос», католичество, протестантство

Andrey Lipgart (Moscow, Russia)

Concerning the Historical Context of William Shakespeare's Life and Works. Part 1

Abstract: It is impossible to produce an adequate interpretation of William Shakespeare's texts without the knowledge of his biography and the general context of his epoch. But even those striving for objectivity very often encounter nearly unsurmountable difficulties connected either with lack of biographical information or lack of knowledge of the formerly suppressed, though now generally available, facts of English history. All this brings forth enormous problems which many scholars fail to overcome, thus arriving at the historically and aesthetically wrong interpretations of Shakespeare's life and works. The present article is devoted to the discussion of this unfortunate situation and suggests ways of overcoming it by turning to the last 500 years of English history.

Key words: Shakespearology, the Shakespeare problem, Catholicism, Protestantism

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

В марте 2015 г. на территории Великобритании вошли в силу изменения в «Зако-не о престолонаследии» («Зако-не об устройении»), согласно которому вступление в брак с лицами католического вероисповедания лишало членов британской королевской семьи прав на престол. Этот закон под названием «Act of Settlement» был принят в 1701 г. английским парламентом, а в 1707 в соответствии с «Зако-ном об объединении» («Act of Union») распространился на всю Великобританию и оставался в силе в течение трех столетий. С 2015 г. данный пункт устранен из британского законодательства, и, хотя действующим монархом по-прежнему может быть только лицо, исповедующее англиканство, в отношении других членов королевской семьи сделано послабление, и в список наследников престола возвращены потомки герцога Джорджа Кентского (1902–1942), родного дяди правящей королевы Елизаветы II, лишившиеся своих прав на английскую корону из-за браков с католичками в 1978 и в 1988 гг. соответственно.

Трехвековое бытование этого пункта в британском законодательстве можно пытаться интерпретировать по аналогии со знаменитыми воронами в Тауэре и гвардейцами в медвежьих шапках у Букингемского дворца: старая добрая патриархальная Англия, верная традициям, ежегодно 5 ноября сжигающая чучело Гая Фокса, но глубоко демократичная и предельно толерантная по своему внутреннему устройству. Однако аналогия здесь глубоко ложная: да, сжигающие чучело Фокса зачастую не осведомлены о том, кого именно сжигают, и просто веселятся от души, но вот сохранение вопиюще дискриминационного пункта в британском законодательстве в течение трех веков едва ли было результатом сердечного веселия. Законодатели в общем и целом знают, что и зачем они делают и чего и почему не делают.

Парламентские акты 1701 и 1707 гг. были логическим продолжением законодательных инициатив Генриха VIII, в 1534 г. вынудившего парламент принять так называемый «Act of Supremacy» (в разных переводах на русский язык: «Акт духовного и светского приоритета», «Акт превосходства», «Акт супрематии»). «Act of Supremacy» узаконил разрыв с Римом, основание англиканской церкви и провозглашение короля ее главным куратором с титулом «Supreme Head of the Church of England» («верховный глава английской церкви»), который его дочь Елизавета I впоследствии трансформировала в «Supreme Governor of the Church of England» («верховный правитель английской церкви»), несколько снизив – по крайней мере на словесном уровне – беспрецедентно высокий для мирянина статус в церковной иерархии.

Героизация Генриха стала общим местом в разножанровых текстах, от исторических трудов до лихой журналистики и художественной литературы, от сценариев политически выдержанных и относительно документальных фильмов до откровенно пошлых сериалов. Подретушированный ангажированными историками, Генрих VIII превращается в подобие русских Ивана Грозного и Петра I, заложивших основы государственности и укрепивших национальное самосознание своего народа. Та же роль отводится и Генриху, а досадные матримониальные подробности его биографии, как и с русскими царями, отходят на задний план или же – в политтехнологическом смысле фактически безупречно – служат в качестве дополнения к его образу супергероя и победительного мачо, который ничего бы не достиг на политическом поприще, не будь он обуреваем страстями во всех прочих своих проявлениях. Ловко закамуфлированные позднейшими историками под достоинства, перечисленные свойства натуры Генриха VIII на самом деле способствовали его превращению в неуправляемого психопата, а страну привели

к обнищанию и поставили ее на грань гражданской войны. По принятии упомянутого выше «Act of Supremacy» король получил практически безграничный контроль над английской церковью и ее финансовыми ресурсами, ее движимым и недвижимым имуществом. Закрывались монастыри, нищали приходские церкви, которые ранее были основой системы социальной помощи в стране, где государственная власть не брала на себя ответственности ни за медицинскую и психологическую помощь, ни за образование, ни за экономическую поддержку населения (в периоды голода церковные организации бесплатно раздавали голодающим еду, равно как и зерно для новых посевов). Церковь утратила возможность проводить данную работу после конфискации денег и земель, а государство не стало брать на себя это бремя. Поэтому мнимо героическая борьба Генриха с католичеством поспособствовала лишь реприватизации и обогащению самого короля и его подручных, и полученные деньги были пущены отнюдь не на благо населения Англии, но на бессмысленные войны с Францией, Шотландией и прочие авантюры, а также на строительство грандиозных дворцов по всей стране, многие из которых так и остались недостроенными.

Реакция населения не заставила себя долго ждать. В 1536 г. на севере страны началось так называемое «Благодатное паломничество» («Pilgrimage of Grace» [1]), в ходе которого десятки тысяч пострадавших от нового порядка англичан двинулись на Лондон с целью возвращения католичества и ассоциировавшейся с ним старой социальной системы, успешно действовавшей в течение нескольких веков и доказавшей свою жизнеспособность. Пустив в ход дипломатию, в ходе переговоров с лидерами восстания Генрих сумел убедить восставших разойтись по домам, пообещал им полный иммунитет от уголовного преследования и посулил изменения в религиозной и социальной сферах. Слова своего короля, естественно, не сдержал и через несколько месяцев зверски расправился с бунтовщиками, устроив им в полном смысле слова 37-й год. Свой собственный – 1537-й. Тем не менее в английской истории «кровавость» на уровне прозвища отождествляется вовсе не с Генрихом, а с его старшей дочерью королевой Марией I Тюдор (1516–1558), хотя ее деятельность по искоренению протестантизма в стране по количественным показателям безнадежно уступает успехам ее славного родителя и ее еще более славной сестры Елизаветы I, кумира множества современных читателей, кинозрителей и телезрителей.

Случай с Генрихом весьма показателен. Налицо откровенно тенденциозные сортировка, выбраковывание и интерпретация исторических фактов, которые либо не упоминаются вовсе, либо изымаются из контекста и толкуются чрезвычайно вольно. Возникает впечатление, что кому-то был нужен именно такой образ Генриха, который не скомпрометировал бы англиканство окончательно и безнадежно уже в момент его становления. Среди прочего упоминавшийся выше «Act of Supremacy» (1534) – первый шаг в сторону парламентских актов 1701 и 1707 гг. – не должен был восприниматься как подготовительная мера для осуществления геноцида в отношении собственного народа, каковым геноцидом многогранная деятельность Генриха, безусловно, является.

Денег и земель при Генрихе лишились не только церковные учреждения. Владетельные английские семьи, не желавшие отступить от привычной религии с ее тысячелетней историей в самой Англии, подвергались серьезным штрафам, тюремному заключению, казням. Католики нищали, но все же пока еще обладали значительными ресурсами для сопротивления режиму и стремлением вернуть

отнятое у них имущество. Поэтому примирение в национальном масштабе было в принципе невозможно: помимо теологических новаций, категорически не приемлемых для многих истинно верующих английских католиков тех времен, значительную роль здесь играл и финансовый аспект, когда ограбленные желали вернуть отнятое грабителями, а последние этому всеми силами сопротивлялись. Таким образом, в стране возник острый социальный конфликт, который нельзя было решить за столом переговоров и который сулил стране неисчислимые бедствия в ближайшем будущем. Забегая вперед, отметим очевидное: католики проиграли, победили протестанты. И именно они заказывали и писали официальную историю, героизируя весьма проблематичных индивидуумов, скрывая трагизм и катастрофические социальные последствия реформации и ради создания отвлекающего колорита наполняя тексты книг и телеэкраны тауэрскими воронами и букингемскими медвежьими шапками.

Как это ни парадоксально, в идеологическом плане Генрих был традиционалистом. По зрелом размышлении он понял, что обретение абсолютной власти в стране с помощью протестантских доктрин было тем единственным, для чего ему было нужно протестантство; в теологическом смысле он не ощущал необходимости что-то серьезно менять в том же богослужении и вполне комфортно чувствовал себя в контексте привычных католических ритуалов [2]. Опытный администратор, он не позволял протестантам одержать верх в стране ни в идеологическом, ни в социальном плане, и это несколько утешало ограбленных и униженных католиков. Не без оснований, если учесть его безусловную образованность и знание теологии, Генрих считал себя главным экспертом в стране по всем спорным вопросам церковного управления и разделял мнение своего современника и близкого родственника императора Карла V, характеризовавшего полемику эпохи реформации как «скудную ссору монахов». Двух станом не боец, Генрих стремился к поддержанию баланса между враждующими фракциями и, распорядившись казнить несколько католиков, немедленно отдавал приказ о казни некоторого количества протестантов. Террор стал нормальной практикой для Генриха в последнее десятилетие его правления, и жизнь высших протестантских сановников королевства была ничуть не безопаснее существования верных старой религии католиков какого угодно социального класса [3].

Однако почти сразу же после его смерти ситуация изменилась: регенты при малолетнем сыне Генриха Эдуарде VI (1537–1553) в борьбе друг с другом прибегали в том числе и к теологическим аргументам, и в итоге одержали верх те, кто больше всего нажился в результате протестантских грабежей. Для сохранения власти им требовалась соответствующая идеологическая база, которую охотно обеспечили импортированные из Швейцарии кальвинисты, чьи взгляды были абсолютно чужды и подавляющему большинству англичан, и на тот момент уже покойному королю Генриху [4]. Без репрессивных мер здесь было не обойтись, и 6 лет правления Эдуарда были отмечены новыми кровавыми расправами над католиками. А потом после его смерти в 1553 г. в религиозной ситуации вновь произошел перелом: на престол взошла старшая дочь Генриха Мария Тюдор, которая вернула Англию в лоно Римско-католической церкви, запретила англиканское богослужение и, воздержавшись от тотальной повторной реприватизации, все же начала процесс возвращения религиозным общинам ранее конфискованного у них имущества. Настал черед протестантов почувствовать, насколько беспокойна жизнь нонконформиста, и некоторые из них инициировали борьбу со своей новой

католической королевой, что породило волну репрессий уже со стороны правительства Марии, со всеми вытекающими отсюда прижизненными и посмертными последствиями для этой женщины с подлинно трагической судьбой [5].

Таким образом, к моменту смерти королевы Марии Тюдор Англия прошла через 3 этапа в смене религий: умеренный идеологически и убийственный социально протестантизм Генриха, буйный кальвинизм Эдуарда и относительно умеренное католичество Марии. И все это произошло в интервале 24 лет, с 1534 по 1558 г. В 1558 г. с восшествием на престол Елизаветы I Англия подверглась четвертой по счету религиозной реформе: согласно «Акту о единстве» («Act of Uniformity», принят парламентом в 1559 г.) посещение англиканского богослужения стало обязательным, а католическое богослужение было запрещено. И все эти четыре религиозные реформы проходили на памяти одного поколения, многие представители которого – что вполне объяснимо в психологическом плане – были готовы ориентироваться в первую очередь на тысячелетнюю английскую католическую традицию, а не на два с небольшим десятилетия сомнительных теологических экспериментов. Возвращение католичества для вновь ввергнутых в нищету последователей этого направления в христианстве ассоциировалось как со спасением души, так и с возвратом к социально приемлемой модели существования. Наличие столь обширной группы потенциальных диссидентов среди ее подданных не предвещало Елизавете безмятежного правления.

Казалось бы, Елизавета могла встать на сторону подавляющего большинства населения Англии, принять католичество и тем самым избежать возможных религиозных конфликтов. Сохранить в стране возвращенное ее старшей сестрой католичество, на первый взгляд, было бы проще, чем устраивать очередную реформу. Однако из-за династических экзерсисов Генриха VIII единственным возможным выбором для Елизаветы оказалось именно возвращение протестантства. Дело заключалось в том, что в свое время Генрих аннулировал браки с Екатериной Арагонской, матерью будущей королевы Марии Тюдор, и с Анной Болейн, матерью Елизаветы, что автоматически обеспечило обеим принцессам статус незаконнорожденных дочерей. Впоследствии, не меняя этого статуса, Генрих ввел обеих дочерей в закон о престолонаследии и тем самым создал немыслимую в юридическом плане ситуацию. В Европе тех времен внебрачные дети неоднократно занимали Святой престол, они успешно управляли, например, Флоренцией или выступали в роли регентов на отдельных территориях Священной Римской империи, но для традиционных монархий – Англии, Франции, Шотландии – такое решение династических проблем было неприемлемым. Именно этим воспользовалось кальвинистское лобби в последние недели жизни Эдуарда VI, уговорившее умирающего юного монарха назвать в качестве наследницы не его старших сестер Марию или Елизавету, а его двоюродную племянницу леди Джейн Грей (1537–1554), которая официально считалась английской королевой в течение 9 дней, пока кальвинистский режим не был сметен возмущенным населением страны, возведшим на престол Марию Тюдор. Законность восшествия на престол Марии и ее в конечном итоге законнорожденность никем всерьез не оспаривались, так как обвинения в инцесте, выдвинутые Генрихом против ее матери Екатерины Арагонской, были откровенно абсурдны и так как ни английские католики, ни большинство европейских монархов, не говоря уже о римских папах, никогда не признавали правомочность аннулирования первого брака Генриха. С Елизаветой ситуация была значительно менее очевидной: для католиков брак с Анной Бо-

лейн, состоявшийся при жизни Екатерины Арагонской, не обладал ни малейшей видимостью законности, и потому с их точки зрения Елизавета не могла считаться законнорожденной дочерью Генриха ни при каких обстоятельствах, что делало ее положение в роли правящей монархини чрезвычайно шатким. В столь же шатком положении во время правления королевы Марии находились и протестанты-реприватизаторы, и, проживи Мария на несколько лет дольше, они бы могли навсегда утратить влияние в стране и потерять награбленное. Поэтому интересы протестантов и Елизаветы совпали: и те, и другая в любой момент могли быть отторгнуты католическим населением страны и должны были помнить о потенциальной угрозе, бросив все силы на укрепление нового протестантского режима.

Угроза, кстати говоря, материализовалась уже в первые дни правления Елизаветы, когда французский король Генрих II отказался признать легитимность ее нового статуса и объявил о правах на английский престол своей невестки шотландской королевы Марии Стюарт (1542–1587), правнучки короля Генриха VII и внучки старшей сестры Генриха VIII. Для Марии этот шаг впоследствии окажется фатальным: после 6 лет правления Шотландией и утраты престола в результате мятежа шотландских баронов, Мария в 1568 г. отправится в Англию, где проведет почти 19 последних лет своей жизни в качестве пленницы Елизаветы и будет казнена по приказу последней в феврале 1587 г. Для Елизаветы же этот эпизод станет постоянным напоминанием о шаткости ее положения, и любые ее попытки проведения более веротерпимой политики будут успешно пресекаться протестантской верхушкой с помощью ссылок на возможные католические заговоры в пользу Марии Стюарт или же – после казни Марии – в пользу других претендентов на английский престол. Особо значимую роль в проведении антикатолической линии в Англии в то время играла семья Сесилов: отец и сын Уильям Сесил и Роберт Сесил были ведущими политиками и министрами Елизаветы и ее преемника Иакова, и многочисленные потомки Уильяма заключили серию выгодных браков с членами других состоятельных семей и сформировали внушительный клан, нажившийся на скупке за бесценок конфискованных у католиков и собственно королевских земель и кровно заинтересованный в сохранении протестантского режима.

В поп-культуре правление Елизаветы ассоциируется опять-таки с ростом национального самосознания англичан, с расцветом экономики и культуры и с укреплением международной репутации Англии. Знаковыми эпизодами являются борьба с Марией Стюарт, отлучение от церкви, поражение Испанской Армады, деятельность поэтов и писателей, многочисленные любовные приключения королевы и, возможно, казнь графа Эссекса. В этой прихотливой выборке отсутствует восстание северных аристократов 1569 г. и последовавшая за ним расправа над его многочисленными участниками, не упоминается война с Испанией на территории современных Нидерландов, длившаяся в течение 19 лет, обескровившая и разорившая Англию и закончившаяся уже после смерти Елизаветы. Здесь также не находит отражения бездумная политика продажи за бесценок земель короны и предоставления монополии на сбор некоторых видов налогов частным лицам, что приводило к обогащению близких к королеве политических манипуляторов и к оскудению государственной казны. Не обсуждаются вопиющие юридические нарушения, сопутствовавшие всей истории заключения Марии Стюарт: к Марии как к королеве суверенного государства английская юрисдикция не имела никакого отношения, и у шотландской королевы были все основания бороться за свою свободу любыми средствами после того, как в обход очевиднейших норм между-

народного права она оказалась пленницей Елизаветы в 1568 г. [6]. И, наконец, в современной поп-культуре никак не отражается накал борьбы между католиками и протестантами в правление Елизаветы, не упоминаются дискриминационные антикатолические законы, ничего не говорится об иезуитских миссиях 1580–1581 и 1586–1606 гг. и о массовых казнях католиков в течение всех 45 лет царствования последней королевы из рода Тюдоров [7].

Подобная тенденциозность в освещении исторического материала преследует цель восхваления первых протестантских правителей Англии и самого протестантства как единственно приемлемой религии, дающей простор для интеллектуальной и творческой деятельности, обеспечивающей мирное и благополучное существование для страны в целом и противопоставленной в этом плане католицизму как прибежищу фанатиков и преступников всех мастей (чего стоит систематическое очернение репутации Екатерины Медичи, Филиппа Испанского, Марии Стюарт, представителей семейства Гизов и всего ордена иезуитов, – очернение по преимуществу бездоказательное, но риторически убедительное). К этим антикатолическим инсинуациям добавляется Пороховой заговор 1605 г. и еще некоторое количество более поздних сюжетов, призванных утвердить основную идею о гуманности и безальтернативности протестантства (англиканства) как государственной религии Англии и, позже, Великобритании. И эта отредактированная версия английской истории XVI–XVII вв. плавно подводит к мысли о неизбежной правомерности и правомерной неизбежности принятия Актов 1701 и 1707 гг., о которых было сказано выше.

Исторический контекст принятия этих актов заключался в следующем. После смерти Елизаветы I в 1603 г. на престол взошел сын Марии Стюарт Иаков VI Шотландский, ставший королем Иаковом I Английским. Ему наследовал сын, король Карл I, казненный в 1649 г. по приговору парламента. После 11 лет междуцарствия королем Англии стал Карл II, сын казненного Карла I, а затем на престол взошел католик Иаков II, также сын Карла I и брат Карла II. Иаков II правил всего 3 года (1685–1688), был низложен и оставшиеся годы жизни провел во Франции. Корона перешла к соправителям-протестантам, старшей дочери Иакова Марии II и ее мужу Вильгельму III Оранскому, приходившемуся племянником Иакову II. Вильгельм III пережил свою жену, и по бездетности этой супружеской пары наследницей престола была объявлена младшая сестра Марии II протестантка Анна. Поскольку единственный переживший младенчество сын Анны скончался в 1700 г., в начале XVIII в. вопрос о престолонаследии встал весьма остро. Английский парламент не остановило то, что у Иакова II имелся сын, также Иаков (1688–1766), прямой потомок по мужской линии Иакова I и праправнук Марии Стюарт. Католическое вероисповедание младшего Иакова делало его абсолютно неприемлемым кандидатом на английский престол; то же самое отношение впоследствии распространилось и на его старшего сына, Карла Эдуарда Стюарта (1720–1788). И поэтому в 1701 г. было принято решение о переходе короны к протестантской Ганноверской ветви Стюартов, потомков Иакова I по женской линии, что и произошло в 1714 г., когда после смерти королевы Анны в Англии воцарился курфюрст Ганноверский, принявший имя Георг I (1660–1727).

Упорное нежелание английского парламента допустить коронацию католиков имело на тот момент не столько религиозную, сколько политическую и финансовую основу: Иаков II поддерживал идею союза с католической Францией, тогда как протестанты были ориентированы на сотрудничество с Голландией и

конфронтацию с Францией, и сформировавшееся еще во времена Генриха и Елизаветы протестантское лобби в конечном итоге одержало убедительную победу. Но получивший корону по парламентскому акту Георг I в 1701 г. занимал 56-е место в списке претендентов на английский престол, что делало его собственное положение и положение его потомков весьма уязвимым и слишком явно походило на узурпацию власти. Нынешняя королева Англии по прямой линии происходит от Георга I и с точки зрения якобитов занимает свое место незаконно; для них правомочным королем Великобритании является Франц Виттельсбах, герцог Баварский (р. 1933). Великобритании понадобилось 300 с лишним лет для отмены некоторых пунктов соответствующих парламентских актов, но основное правило остается неизменным: правящий монарх может быть только англиканского вероисповедания.

Редактирование английской истории времен Генриха VIII и Елизаветы I и последующих веков оказывает прямое влияние на традицию интерпретации жизни и творчества Уильяма Шекспира вплоть до наших дней. Из-за выхолащивания исторического контекста елизаветинская Англия превращается в пасторальную идиллическую Аркадию, прославленную творениями великих писателей и поэтов. И поскольку жителям идиллической страны страдать по определению не от чего, трагизм многих шекспировских произведений стали объяснять тем, что их автор следовал неким античным или ренессансным образцам, ведомый исключительно игрой ума и стремлением усовершенствовать эстетические каноны прошлого. Имманентный анализ, свойственный многим трудам в области шекспироведения, существует наряду с откровенно неадекватными попытками воссоздать биографию автора бессмертных произведений и предложить их толкование на основе разрозненных исторических фактов и домыслов, не учитывающих общий контекст эпохи.

Современные шекспироведы многое сделали для преодоления априорности, антиисторичности и мифологичности подобных построений. Однако инерция по-прежнему остается сильна, что проявляется среди прочего в продолжении дискуссий по так называемому «шекспировскому вопросу» (проблема авторства шекспировских текстов). «Шекспировский вопрос» возник в свое время как реакция на неумные восхваления гениального драматурга: и стратфордианцы, и антистратфордианцы в традициях современного им XIX в. желали получить биографию Шекспира той же степени героизации и той же степени подробности, с какой, например, Томас Мур описал жизнь Байрона; в отсутствии соответствующей информации стратфордианцы стали додумывать биографию Шекспира-актера, а антистратфордианцы принялись искать «настоящего автора» и додумывать уже его биографию. Делалось это отчасти на основе биографической интерпретации произведений Шекспира – вполне правомерной методологически, отчасти на проведении исторических параллелей, также по сути не вызывающем возражений. Но в контексте протестантски ориентированной историографии XIX в. и противники, и сторонники традиционной теории авторства вели поиски весьма хаотично, исходя из глубоко ложной концепции о Золотом Веке английской поэзии как о Золотом Веке английской государственности и не понимая, что же собственно им следует искать. Идея мнимого национального единения в период правления Елизаветы и Иакова снимала возможность адекватной интерпретации трагизма шекспировских текстов и фактов жизни уроженца Стратфорда, порождая теории о переходе абстрактного надличностного Средневековья в абстрактный же

личный Ренессанс как об эстетической и концептуальной основе творчества Шекспира, якобы стремившегося – со всем китсовско-уайльдовским азартом – освоить-расширить-преодолеть антично-средневеково-раннеренессансные литературные каноны.

Понятно, что с этими теориями имеющиеся биографические сведения об уроженце Стратфорда связать невозможно. Но все встает на свои места, если религиозное противостояние воспринимается как центральный конфликт эпохи, когда сугубо эстетические поиски были периферийным занятием даже для профессиональных литераторов и когда вопрос личного выживания и сохранения своей духовной идентичности оказывался значимым для всех англичан вне зависимости от их социального уровня. Личное выживание не сумели обеспечить себе ни сын башмачника из Кентербери и правительственный агент-провокатор Кристофер Марло, ни один из претендентов на английский престол праправнук Генриха VII аристократ Фердинандо Стэнли, граф Дерби: оба погибли в результате заказанных правительством убийств. Публичной казни не избежали ни граф Эссекс, павший жертвой интриг клана Сесилов, ни скромная падчерица йоркского нотабля Маргарет Клитероу (Margaret Clitherow), которая за свою приверженность католичеству согласно приговору суда должна была умирать долгой и мучительной смертью под тяжестью положенной на ее тело двери ее собственного дома и помещенной на эту дверь груды камней, но которая благодаря милосердию палачей умерла в течение 15 минут. Духовную идентичность не сохранили ни парвеню Бен Джонсон, вынужденный отречься от католичества и благодаря этому успешно функционировавший на литературном поприще вплоть до 1616 г. (позже, как и прочие его именитые современники за исключением правительственных холуев типа Джона Флетчера, он находился под цензурными ограничениями до 1622 г.), ни представительница знатной католической семьи Анна Беллами, изнасилованная любимцем Елизаветы следователем-садистом с широчайшими полномочиями Ричардом Топклиффом и в результате выдавшая властям видного проповедника и великого поэта Роберта Саутвелла, который активно участвовал в деятельности второй иезуитской миссии в Англии и который в свою очередь принял мученическую смерть в 1595 г. Казнь Саутвелла проходила согласно стандартной процедуре («hanged, drawn and quartered»), но близость его семьи ко двору и давние связи – еще со времен Марии Тюдор – его матери и дяди с Елизаветой предполагали несколько менее зверское обращение, и общественное возмущение этим способом казни одного из «своих» было таково, что впоследствии Елизавета предпочитала воздерживаться от подобных кошмарных публичных шоу. Примеры можно умножать до бесконечности, но уже их достаточно для того, чтобы показать, каков был реальный контекст духовной и социально-политической жизни елизаветинской Англии.

Понятно, что в XIX в. эта информация была по большей части недоступна (хотя Ричард Симпсон и опубликовал свою книгу о Кэмпione уже в 1867 г. [8]) и что перечень мучеников для большинства интересующихся английской историей ограничивался «Мартирологом» Фокса, поскольку католическая церковь начала процесс канонизации жертв елизаветинского режима лишь в 1886 г. и завершила его только к 1970 г. (это сейчас некоторые особо выдающиеся личности удостоиваются канонизации менее чем через 10 лет после смерти; Эдмунд Кэмпione и Роберт Саутвелл ждали своей очереди почти 400 лет). Но хотя сейчас все эти сведения общедоступны и подкреплены документально, они часто остаются без внимания в работах, посвященных Шекспиру.

При Иакове тюдоровская бригада приватизаторов опасалась потенциального демократизма монарха, заигрывавшего с католиками, но уже к 1604 г. королю объяснили значимость взимаемых с католиков штрафов для государственного бюджета, затем ему подсунули изначально курировавшийся спецслужбами Пороховой Заговор, напугали до умопомрачения, быстро казнили участников, а потом в отсутствие свидетелей в 1606 г. устроили процесс над главой иезуитской миссии Генри Гарнетом, никакого отношения к заговору не имевшим. Именно в этом году Шекспир прекращает свой диалог с интеллектуалом-монархом (*Measure for Measure*, среди прочего, как ответ на принадлежащий перу короля Иакова *Basilikon Doron*, *Macbeth* как ответ на его же *Demonology* и т. д.) и на какое-то время переключается на мало интеллектуального наследника принца Генри (отсюда отчетливое снижение качества текста в том же «Цимбелине» или в «Зимней сказке»: не драматург исписался, а целевая аудитория поменялась). А в 1610 г., после убийства Генриха Наваррского, Иакову становится настолько тошно и страшно, что на следующий год он назначает архиепископом Кентерберийским кальвиниста Джорджа Эббота, обеспечившего вплоть до 1622 г. такие цензурные ограничения, по сравнению с которыми елизаветинская цензура выглядит прямо-таки милосердной. И тут замолкают Шекспир, Марстон, Дэниел, Чэпмен, Вебстер, Деккер, Форд. А в 1622 г. Эбботт теряет влияние из-за своего противодействия планам женитьбы наследника на испанской инфанте, религиозно-политический климат в стране улучшается, смягчается цензура, и одно за другим начинают публиковаться произведения авторов, не по своей воле молчавших в течение последних 11 лет. И в 1623 г., через 7 лет после смерти Шекспира, выходит Первое Фолио.

Цель настоящей статьи заключалась в том, чтобы обсудить объективные проблемы, возникающие при интерпретации шекспировских текстов и воссоздании его биографии. Сказанное здесь следует воспринимать в качестве общей информации, предшествующей более подробному описанию жизни и творчества Уильяма Шекспира, – описанию, которое автор статьи надеется продолжить в последующих публикациях.

REFERENCES

- [1] Bernard G.W. (2005) *The King's Reformation: Henry VII and the Remaking of the English Church*. Yale University Press. 736 p.
- [2] Meyers G.J. (2011) *The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty*. New York. Bentam Books Trade Paperbacks. 623 p.
- [3] Hutchinson Robert. (2009) *House of Treason: The Rise and Fall of a Tudor Dynasty*. London. Weidenfeld and Nicolson. 368 p.
- [4] MacCulloch Diarmaid. (2004) *Reformation: Europe's House Divided (1490–1700)*. Penguin Books. 864 p.
- [5] Porter Linda. (2007) *Mary Tudor: The First Queen*. London. Portrait. 464 p.
- [6] Fraser Antonia. (2005) *Mary Queen of Scots*. Weidenfeld and Nicolson. 640 p.
- [7] Wilson Richard. (2004) *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester and New York. Manchester University Press. 320 p.
- [8] Simpson Richard. (2010) *Edmund Campion*. Gracewing. 687 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Липгарт,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru